

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА УЗБЕКИСТАНА В 2004–2007 гг.: ОТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА С США К СОЮЗНИЧЕСКИМ ОТНОШЕНИЯМ С РОССИЕЙ

Рассматриваются причины и обстоятельства смены внешнеполитического курса Узбекистана, произошедшей в 2004–2005 гг., анализируется последующая эволюция внешней политики Ташкента.

С начала 1990-х гг. основными целями внешней политики Узбекистана стали укрепление собственной независимости и суверенитета и политическое преобладание в Центральной Азии. Внешнеполитические амбиции Ташкента подкреплялись рядом факторов: самым большим в регионе населением, наличием в соседних странах крупных узбекских диаспор или районов компактного проживания узбеков, «центральным» географическим положением (Узбекистан граничит со всеми государствами постсоветской Центральной Азии и Афганистаном). Узбекистану удалось избежать обвального экономического спада, достичь к середине 1990-х гг. самообеспечения энергоресурсами и создать боеспособную национальную армию.

Притязания Ташкента на лидерство в Центральной Азии вошли в противоречие с политикой России, направленной на поддержание собственных позиций в регионе и военно-политическую и экономическую интеграцию постсоветского пространства. Немалую роль сыграли экономическая слабость России, противоречивость, медлительность и низкая эффективность центрально-азиатской политики Москвы. Со второй половины 1990-х гг. руководство Узбекистана взяло курс на свертывание сотрудничества с Россией и развитие отношений с США прежде всего в сфере безопасности и военно-технических контактов. США, в свою очередь, были заинтересованы в углублении взаимодействия с Узбекистаном, которое позволяло проецировать американское влияние в Центральную Азию, противодействовать политике России и оказывать давление на Иран. Знаковыми событиями стали отказ Ташкента в мае 1999 г. продлить участие в Договоре о коллективной безопасности и присоединение Узбекистана к группировке ГУАМ (Грузия – Украина – Азербайджан – Молдова), призванной стать на постсоветском пространстве альтернативой союзам и объединениям, возглавляемым Россией.

После событий 11 сентября 2001 г. американо-узбекские военно-политические связи резко активизировались. Узбекистан первым из центрально-азиатских государств предложил Соединенным Штатам помощь в проведении операции в Афганистане. В Ташкенте расценили сложившуюся международную ситуацию как возможность упрочить статус ключевого партнера США в Центральной Азии и подкрепить собственные притязания на региональное лидерство. В октябре 2001 г. было заключено американо-узбекское соглашение, предоставляющее Соединенным Штатам право использования воздушного пространства страны и авиабазы в Ханабаде [1. С. 13–14].

Ханабад стал крупнейшей американской военной базой в Центральной Азии: по различным оценкам, численность военнослужащих, размещенных в Ханабаде, составляла от 1–1,5 до 5 тыс. человек [2. С. 229; 3. С. 74].

Статус Узбекистана как приоритетного для США государства-региона был закреплен в подписанной в марте 2002 г. во время визита президента страны И. Каримова в Соединенные Штаты Декларации о рамках стратегического партнерства и сотрудничества. В документе было зафиксировано, что «США будут с серьезнейшей обеспокоенностью рассматривать любую внешнюю угрозу безопасности и территориальной целостности Республики Узбекистан» [4].

Американские официальные лица неоднократно высказывали самые высокие оценки вклада Узбекистана в успех афганской операции. Ташкент также выражал удовлетворение уровнем двустороннего сотрудничества. Казалось, что американо-узбекское стратегическое партнерство поставлено на прочную основу, и в экспертном сообществе сложилась точка зрения, что оно будет носить долговременный характер [1, 3]. Однако в реальности стратегическое партнерство Вашингтона и Ташкента оказалось на редкость недолговечным. В 2004–2007 гг. произошла переориентация внешней политики Узбекистана – резкая, неожиданная, но по-своему закономерная.

В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть обстоятельства и проанализировать причины этого процесса.

Признаки взаимного разочарования результатами сотрудничества и усугубления сомнений в его перспективах наметились в американо-узбекских отношениях с конца 2003 г. Серьезный удар по репутации Соединенных Штатов в глазах узбекского руководства нанесла смена власти в Грузии в ноябре 2003 г. (по совпадению, состоявшаяся через месяц после визита президента Каримова в Тбилиси), одобренная и отчасти инспирированная Вашингтоном. В Ташкенте усилились сомнения в надежности опоры на США как гаранта безопасности Узбекистана и стабильности существующего государственного строя и политического режима. Узбекские власти приступили к ограничению деятельности в стране американских неправительственных организаций (НПО), начав с тех, которые сыграли активную роль в поддержке грузинской «революции роз» [5].

В декабре 2003 г. Узбекистан предложил Соединенным Штатам заключить новое соглашение об использовании военной базы в Ханабаде. Ташкент настаивал на введении арендной платы за базу и, по некоторым сведениям, на более четком определении американских обязательств по обеспечению безопасности Узбекистана. Официальный Вашингтон ответил, что удовлетворен существующим положением дел. В течение 2004 – начале 2005 гг. Узбекистан безуспешно поднимал вопрос о пересмотре соглашения об использовании базы в Ханабаде не менее шести раз [6. С. 87–88].

В Ташкенте были разочарованы тем обстоятельством, что внешнеполитическая ориентация на Вашингтон не обернулась ростом американских инвестиций в экономику страны. Раздражителем в двусторонних отношениях стала введенная конгрессом США начиная с 2003 финансового года увязка оказания помощи правительству Узбекистана с положительным заключением госсекретаря США о наличии прогресса в Узбекистане в сфере демократизации и соблюдении прав человека. Аналогичное требование было введено и применительно к Казахстану, но в этом случае госсекретарь получал право обойти условие законодателей, исходя из интересов национальной безопасности США [7. С. 42–44]. Весной 2004 г. была отклонена просьба Узбекистана об увеличении американской экономической помощи, выраженная в личном послании Каримова президенту Бушу [6. С. 31].

Уже в середине 2004 г. во внешней политике Узбекистана обозначилось стремление уравновесить сотрудничество с США более тесными отношениями с Россией и Китаем. В июне 2004 г. был заключен договор о стратегическом партнерстве между Россией и Узбекистаном, предусматривающий, в частности, возможность взаимного использования сторонами военной инфраструктуры [8]. Соглашение между «Узбекнефтегазом» и «Лукойлом» предоставило российской компании право на разработку газовых месторождений на юго-западе Узбекистана. Тогда же «Узбекнефтегаз» заключил соглашение о сотрудничестве с китайской нефтяной компанией «Синопек».

События в Киргизии в марте 2005 г. – свержение президента А. Акаева, в котором официальный Вашингтон, не вдаваясь в специфику киргизской ситуации, увидел очередное проявление всемирно-исторической победной поступи демократии и свободы – явились для руководства Узбекистана новым свидетельством ненадежности и даже опасности стратегического партнерства с США. Весной 2005 г. Узбекистан послал американским властям предупреждающий сигнал, установив ограничения на количество вылетов с Ханабада и полеты в ночное время [6. С. 33]. В апреле 2005 г. Ташкент заявил о выходе из организации ГУУАМ.

Катализатором внешнеполитической переориентации Узбекистана стали события в Андижане 12–13 мая 2005 г. и реакция на них США и Европейского Союза. Как известно, Соединенные Штаты и европейские страны не признали версию андижанских событий, изложенную узбекскими властями, которые заявили, что произошло вынужденно жесткое пресечение масштабной и тщательно спланированной террористической вылазки. Вашингтон и Брюссель, потребовав международного расследования, согласия на которое Ташкент не дал, фактически приняли за истинную версию правозащитных организаций и западных средств массовой информации, обвинивших узбекские власти в массовом применении силы для подавления гражданских беспорядков. Россия и Китай, напротив, выразили солидарность с официальным Ташкентом и поддержали его интерпретацию произошедшего в Андижане [9, 10].

29 июля 2005 г. узбекские власти потребовали закрытия американской военной базы в течение 180 дней, аргументируя это решение отсутствием пла-

тежей со стороны США и ущербом, наносимым окружающей среде. На судебном процессе по андижанским событиям обвиняемые заявили, что американское посольство непосредственно спонсировало подготовку мятежа; позднее сам И. Каримов обвинил Вашингтон в организации андижанских событий [11]. Визит в Центральную Азию госсекретаря США К. Райс в октябре 2005 г. прошел без посещения Узбекистана. Кризис в американо-узбекских отношениях самым неблагоприятным образом сказался на деятельности представительств американских НПО в стране, многие из которых были закрыты, и работе в Узбекистане американских компаний.

В середине ноября американские военные покинули Ханабад. Министерство обороны США намеревалось возместить Узбекистану расходы в сумме 23 млн долл., понесенные в связи с функционированием базы, однако конгресс США заблокировал этот платеж. Впрочем, Пентагон нашел возможность возместить эту сумму из текущего бюджета [6. С. 108].

14 ноября 2005 г. Совет министров ЕС, ввиду отказа Ташкента от проведения международного расследования событий в Андижане, ввел санкции в отношении Узбекистана, состоящие в частичной приостановке Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, эмбарго на поставку оружия и запрете на въезд в ЕС ряда узбекских должностных лиц, непосредственно причастных к андижанским событиям [12].

На этом фоне происходило углубление узбекско-китайского и, в особенности, узбекско-российского сотрудничества. В конце мая 2005 г. И. Каримов посетил с государственным визитом Китай, где был подписан договор о дружественных отношениях партнерства и сотрудничества между Узбекистаном и КНР. Китайская национальная нефтяная компания получила контракт на разработку газовых месторождений в Бухарско-Хивинском нефтегазовом районе и вошла, совместно с российским «Лукойлом», малайзийской «Петронас», южнокорейской КНОК и «Узбекнефтегазом», в консорциум по добыче нефти в Приаралье [13].

В сентябре 2005 г. в Узбекистане прошли первые со времени распада Советского Союза совместные узбекско-российские военные учения. В ноябре 2005 г. Россия и Узбекистан подписали договор о союзнических отношениях. Согласно этому документу, акт агрессии, совершенный против одной из сторон, рассматривается как акт агрессии против обеих сторон [14]. В январе 2006 г. Узбекистан вступил в Евразийское экономическое сообщество, а в июне 2006 г. – в Организацию Договора о коллективной безопасности.

Бойкот, объявленный Узбекистану Соединенными Штатами и ЕС, не превратился в международную изоляцию Ташкента. Продолжало развиваться сотрудничество между Узбекистаном и Индией, Пакистаном, Южной Кореей, странами Юго-Восточной Азии. В августе 2006 г. состоялся первый в истории визит в Узбекистан премьер-министра Японии.

Со второй половины 2006 г. начались осторожные попытки вывода отношений между Узбекистаном и западными странами из состояния кризиса. В августе 2006 г. Узбекистан посетил помощник госсекретаря США по Центральной и Южной Азии Р. Баучер. Визит Баучера не

принес осязаемых результатов: стороны, констатировав наличие серьезных разногласий, подтвердили принципиальную готовность к сотрудничеству.

Инициатором возобновления контактов между ЕС и Узбекистаном выступила Германия, в ходе председательства которой в Совете министров ЕС в первом полугодии 2007 г. была впервые разработана единая стратегия ЕС в отношении Центральной Азии. Берлин, несмотря на вызванный андижанскими событиями кризис, поддерживал рабочие контакты с Узбекистаном и сохранил небольшую военную базу в стране, необходимую для поддержки немецкого контингента в Афганистане. Хотя попытки Германии добиться снятия с Узбекистана санкций ЕС, предпринятые в ноябре 2006 г., а также в марте и мае 2007 г., не увенчались успехом (против выступили Великобритания, Нидерланды и страны Северной Европы). В ноябре 2006 г. Совет министров ЕС принял решение о возобновлении «технических встреч» с узбекским руководством. Ташкент, в свою очередь, согласился на обсуждение андижанских событий с ЕС на уровне экспертов [15].

В марте 2007 г. в газете «Правда Востока», официальном органе Кабинета министров Узбекистана, появилась статья политолога Р. Сайфуллина, в которой констатировалось, что «состояние отношений между Узбекистаном и ведущими странами западного сообщества трудно назвать нормальными». В статье содержался призыв к «совместному осмыслению состояния отношений» между Узбекистаном и США и ЕС [16]. Эта публикация была воспринята как сигнал готовности Ташкента к поиску выхода из кризиса в отношениях с Вашингтоном и Брюсселем. В октябре 2007 г. Совет министров ЕС, наконец, пошел на существенное ослабление антиузбекских санкций, показавших свою неэффективность: было приостановлено действие визовых ограничений в отношении узбекских должностных лиц. Выступая 10 декабря 2007 г. на торжественном собрании, посвященном 15-й годовщине Конституции Узбекистана, президент Каримов не только заявил, что Узбекистан «не свернет с дороги» развития отношения с США и ЕС, но и упомянул о существовании сил, желающих использовать разногласия между Узбекистаном и западными странами в своих интересах [17]. Этот тезис прозвучал как напоминание о заявлениях второй половины 1990-х – начала 2000-х гг., когда официальный Ташкент критиковал Россию за попытки ограничить внешнеполитическую самостоятельность Узбекистана [3. С. 79].

Основной причиной переориентации внешней политики Узбекистана стало осознание Ташкентом того обстоятельства, что Соединенные Штаты, стремясь сохранить и приумножить стратегические преимущества, приобретенные в Центральной Азии, не намере-

вались связывать себя конкретными обязательствами перед правительствами стран региона. Стало понятно, что при возникновении кризисных ситуаций в регионе Вашингтон предпочтет сделать ставку на иные политические силы или самоустраниться от происходящих событий, тем более что в американских правящих кругах распространена точка зрения, согласно которой авторитарные режимы обречены на стагнацию и крах и, соответственно, не оправдывают значительных материальных и политических вложений. После вторжения США в Ирак, переросшего в затяжную военную кампанию, требующую все больших ресурсов, и обострения противоречий вокруг ядерной программы Ирана значение Центральной Азии и Афганистана в иерархии приоритетов американской внешней политики понизилось.

Поворот Ташкента в сторону сотрудничества с Россией стал, прежде всего, закономерным шагом на пути «использования внешнеполитического ресурса» для обеспечения внутривосточной стабильности [18. С. 125] в условиях усугубления социально-экономических трудностей и межклановых противоречий, падения авторитета центральных и местных властей и идейно-политического вызова со стороны радикально-исламистских сил. При этом Узбекистан постарался дополнить сближение с Россией расширением взаимодействия с Китаем, все более становящимся экономическим конкурентом России в Центральной Азии.

Российско-узбекские отношения, несмотря на достигнутый за последние годы уровень сотрудничества, беспрецедентно высокий для двусторонних отношений, все же не переросли в полноценный союз. На территории Узбекистана так и не появились российские военные объекты, а в рамках ОДКБ и ЕврАзЭС Ташкент демонстрирует склонность к довольно ограниченному участию в многостороннем взаимодействии. Основопологающая цель узбекской внешней политики – лидерство в Центрально-азиатском регионе, лишь на время отодвинутая на второй план более насущной необходимостью поиска внешних союзников для обеспечения внутривосточной стабильности и укрепления правящего режима, потребует проведения сбалансированной внешней политики. Как показывают события 2006–2007 гг., признаки осознания Вашингтоном и Брюсселем ошибочности взятой линии на прямолинейное давление и санкции против Узбекистана уже вполне осязаемы. Думается, что новая тональность заявлений узбекского руководства означает завершение внешнеполитической переориентации Ташкента и начало осторожного, учитывающего опыт первой неудачной попытки построения «стратегического партнерства» с Вашингтоном, перехода к преодолению кризиса в отношениях с США и ЕС.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Wishnick E.* Growing U.S. Security Interests in Central Asia. Carlisle Barracks, Pa., 2002.
2. *Олкомт М.* Второй шанс Центральной Азии. Москва; Вашингтон, 2005.
3. *Akbaszadeh Sh.* Uzbekistan and the United States. Authoritarianism, Islamism and Washington's Security Agenda. L.; N.Y., 2005.
4. *United States – Uzbekistan Declaration on the Strategic Partnership and Cooperation Framework.* Режим доступа: <http://www.state.gov/r/pa/pr/ps/2002/8736.htm>
5. *Uzbekistan: The Key to Success in Central Asia?* Hearing before the Subcommittee on Middle East and Central Asia, House International Relations Committee, June 15, 2004. Режим доступа: http://www.house.gov/international_relations/mecahear108.htm

6. *Daly J., Meppen K., Socor V., Starr F.* Anatomy of a Crisis: US – Uzbekistan Relations, 2001–2006. Wash.; Uppsala, 2006.
7. *Самуйлов С.М.* Президент, конгресс и американская политика в отношении Афганистана // США – Канада: экономика, политика, культура. 2003. № 12. С. 29–46.
8. *Договор* о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан от 16 июня 2004 г. Режим доступа: <http://www.mid.ru>
9. *Akiner Sh.* Violence in Andijan, 13 May 2005: An Independent Assessment. Wash.; Uppsala, 2006.
10. *International Crisis Group.* Uzbekistan: The Andijon Uprising. Asia Briefing № 38. Bishkek // Brussels. May 2005. № 26.
11. *Radio Free Europe – Radio Liberty,* 29 June 2005. Uzbekistan: Karimov, Putin Say Andijon Violence Was Planned Abroad. Режим доступа: <http://www.rferl.org>
12. *International Crisis Group.* Uzbekistan: Europe’s Sanctions Matter. Asia Briefing № 54. Bishkek // Brussels. November 2006. № 6.
13. *Chargynov Z.* Revolution, Repression and Re-election in 2005: China’s response and Political Developments in Central Asia // China and Eurasia Forum Quarterly. 2006. № 1. P. 31–36.
14. *Договор* о союзнических отношениях между Россией и Узбекистаном от 14 ноября 2005 г. Режим доступа: <http://www.mid.ru>
15. *Radio Free Europe – Radio Liberty,* 13 November 2006. EU Extends Post-Andijon Sanctions on Uzbekistan. Режим доступа: <http://www.rferl.org>
16. *Деловая неделя* (Казахстан). 2007. 2 марта.
17. *Karimov I.* Address at the festive meeting dedicated to the 15th Anniversary of Constitution of the Republic of Uzbekistan. Режим доступа: <http://www.pr-inside.com/address-by-president-h-e-mr-islam-r340952.htm>
18. *Абдуллаев Е.* Устойчивое неравновесие: отношения с Россией в политике Узбекистана // Международные процессы. 2005. № 2. С. 119–126.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 марта 2008 г.